Гриценко Г.Д.^{1,2}, Маслова Т.Ф.³

Человек в рискогенном социуме: аксиологический аспект проблемы

¹Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Россия, Ростов-на-Дону)

²ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет»
Минздрава России
(Россия, Ставрополь)

³ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»
(Россия, Ставрополь)

doi: 10.18411/lj-06-2020-242

idsp: ljjournal-06-2020-242

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. 0256-2019-0035 проекта № гр. АААА-А19-119011190170-5.

Аннотация

В статье рассматривается аксиологическое измерение проблемы существования человека в условиях рискогенности. Современный человек эпохи «пост» и глобализации все чаще сталкивается с неопределенностью не только будущего, но и настоящего, в котором ему необходимо постоянно делать выбор при принятии решений и предвидеть последствия этих решений. Это напрямую зависит от ценностной системы человека, обусловленной его амбивалентностью, которая приобретает специфические проявления в обществе риска. Наиболее распространенными аксиологическими образами человека становятся «ценностный» и «институциональный» и их разные модификации. В статье отмечается, что уровень благополучия рискогенного социума зависит от содержания аксиологической составляющей этого социума.

Ключевые слова: рискогенный социум, амбивалентный человек, аксиологические образы человека, «ценностный человек», «институциональный человек».

Abstract

The article considers the axiological dimension of the problem of human existence in conditions of riskogenicity. The modern man of the era of “post” and globalization is increasingly faced with the uncertainty of not only the future, but also the present, in which he must constantly make choices when making decisions and anticipate the consequences of these decisions. This directly depends on the value system of a person, due to his ambivalence, which takes on specific manifestations in a risk society. The most common axiological images of a person are “value” and “institutional” and their various modifications. The article notes that the level of well-being of risky society depends on the content of the axiological component of this society.

Keywords: riskogenic society, ambivalent person, axiological concepts of a person, “value person”, “institutional person”.

Введение

Распространенность рискогенности в современном социальном пространстве нашло свое отражение в активном использовании в научной литературе понятия «риск» в том или ином сочетании: «общество риска» [1, 2], «социальные риски» [3, 4], «риски в сложном социуме» [5], «феномен риска в социологии» [6], «риски современного этапа» [7], и др.

Чтобы реализовать аксиологическое измерение общества риска целесообразно обратиться к современным рискологическим концепциям.

Современное понимание термина «риск» достаточно вариативно [8, 9, 10]. Однако приоритетным становится акцент на вероятности последствий в ситуации неопределенности [11]. Некоторые исследователи описывают риск как простую вероятность наступления некоторого события, затрагивающего жизненные интересы человека и общества [11]. Наиболее полным и точным в этом контексте может считаться определение риска, данное Ю. Роза: риск есть «событие или ситуация, в которых нечто ценное для человека, включая его собственную жизнь, поставлено на карту, и последствия этого события (ситуации) являются неопределенными» [12]. Это означает, что современное восприятие риска перемещается в сторону восточно-философского осмысления, а именно внимание акцентируется на вероятности риска в непредсказуемом социальном пространстве. Однако сегодня исследователи стараются избегать негативной коннотации (катастрофы, опасности, беды), в определении общества риска.

Однако если вести речь об аксиологическом измерении человека с ситуации риска, то данной трактовки будет не достаточно. Важно знать, когда человеку в условиях всеобщей хаотичности и запутанности социальных процессов, неопределенности и неоднозначности человеческого существования грозят ситуации, в которых не только концентрируются рискогенные вероятности, но и необходимо сделать ценностный выбор.

Именно поэтому цель исследования – выявить ценностные системы современного человека, которыми он может руководствоваться в рискогенном социуме.

Методы исследования

В данном контексте целесообразно обратиться к теоретическому наследию как западных рискологов, таких как Н. Луман, Э. Гидденс, У. Бек, так и российских, в частности О.Н. Яницкого. Для рассмотрения образов амбивалентного человека важно было обратиться к представителям философии жизни, а именно Ф. Ницше, Г. Риккерт, а также к современным философам, занимающимся концептами рискогенные вероятности, применительно к обществу риска.

Результаты и обсуждение

Для понимания постулата «ценностный выбор человека в обществе риска» плодотворным может быть предложенная Н. Луманом модель «дерево решений». С точки зрения исследователя, в современном обществе любое принимаемое решение неизбежно связано с рискованными «неожиданными» последствиями, в отношении которых принимаются новые решения, также порождающие риски: в цепи любых решений сосредотачиваются потенциальные угрозы, причем образуется некий феномен, неизбежно содержащий значительные риски даже без привязки к конкретным решениям [14]. Из этого следует, что потенциальный риск может таиться в трансформации цепи безличных решений в некоторый безличный, безответственный и вероятно опасный продукт [15].

Таким образом, объективно формирующееся в современном рискогенном социуме «дерево решений» неизбежно концентрирует риски, которые в результате целостности социального глобализирующегося пространства могут проявиться в любой части этого пространства, причем в форме рискогенов, субъектов которых трудно персонифицировать, сложно определить их меру ответственности за последствия, если риски реально имели негативное содержание. Следовательно, человека в современном социуме и как субъекта, принимающего решение, и как объекта, вынужденного выполнять рискованные решения [14], постоянно сопровождают потенциально рискогенные «неожиданные последствия», в которых человеку необходимо ценностно ориентироваться.

Необходимым аксиологическим компонентом изучения человека в обществе риска, с точки зрения ряда исследователей, является концепт амбивалентного человека. По мнению В.Б. Устьянцева, для современного рискогенного социума характерны два основных образа амбивалентного человека: «человек ценностный» и «человек институциональный» [16].

Понятие «ценностный человек» стало разрабатываться еще в последней четверти XIX в рамках философии жизни. Впервые основные свойства данного образа человека описал Ф. Ницше: в условиях становления рискогенной культуры человек перестает доверять общепринятым ценностям и создает новую иерархию ценностей, благодаря которой противопоставляет себя всей существующей культуре в качестве «сверхчеловека» [17].

В дальнейшем другие представители философии жизни, например А. Бергсон, Г. Риккерт, уточнили образ ценностного человека применительно к ситуации риска, но еще не обретшей тотальных форм. Философы полагали, что осознание ценностным человеком значимости собственного «Я» происходит одновременно как осознание и ценностей свободы, и ценностей порядка. И находится это осмысление в одной интеллектуальной плоскости, являющейся духовной матрицей существующего социального мира [18]. Философское понимание ценностного человека через призму собственного «Я», живущего в мире еще только ожидаемых глобальных перемен, содержит дополнительные методологические аргументы о внутренней взаимосвязи ценностей свободы и порядка, дополненной активным сознанием разумного человека в процессе объективизации собственного «Я». «Объективируя, мы только ходим вокруг вещей. Нет, мы по настоящему должны войти в них, а для этого нам необходимо пройти через чистилище нашего «Я» – писал Г. Риккерт [18].

Однако в современную эпоху – эпоху постиндустриальную, информационную, в эпоху виртуальной реальности, глобализирующегося мира – общество риска обусловило появление двух иных образов человека: нового «ценностного человека» и «институционального человека».

Современная философская трактовка облика «ценностного человека» акцентирует внимание на ценности свободы [19]. При этом имманентно присущее человеку свойство амбивалентности в современном обществе риска обретает самостоятельные социальные формы, противостоящие друг другу, и выступает в поведенческой практике человека в двух рискогенных началах. С одной стороны, это образ творческой личности. Свобода у такого человека ассоциируется со стремлением к творческому началу и обретению творческой индивидуальности. А рискогенная ситуация, переводя риск в аксиологическую сферу, актуализирует у творческого субъекта стремление разрушить старый мир и преобразовать сложившееся бытие. Установка на креативную деятельность дает возможность собирательному образу «ценностного человека» не избегать риски, проявляющиеся в различных областях глобализирующегося социокультурного пространства, а научиться эффективно ими управлять.

С другой стороны, это образ свободного виртуального человека. В современном компьютеризированном обществе постепенно формируются «новые интеллектуалы», ценности которых все чаще перестают соответствовать устойчивым смыслам общечеловеческих ценностей, обретая форму самодостаточных символов, являющих собой красивые метафоры. В частности, свобода личности ассоциируется со свободой волеизлияния в Интернете как средством самолюбования интеллектуала, живущего в киберпространстве. Это означает, что в современном обществе «риска глобализации» «ценностный человек» есть и человек творчески свободный, и человек виртуально свободный.

Вторым основным образом амбивалентного человека, как утверждает В.Б. Устьянцев, становится «человек институциональный» [19]. Согласно

неоинституционализму, в условиях быстро изменяющейся и непредсказуемой реальности формируются особые механизмы институализации: «человеку, поднявшемуся на новый уровень своего бытия, требуется институциональное закрепление соответствующих новых функций и типов действий» [20]. Бытие отдельного человека в процессе институализации перемещается из плоскости собственного самосознания в плоскость надындивидуальной жизни. Истоки «институционального человека» могут быть связаны, с одной стороны, с желанием человека как индивида пребывать в состоянии покоя благодаря стереотипам мышления, избегать или до предела минимизировать риски, разрушающие установившийся порядок вещей и устойчивость личностного бытия; и, с другой стороны, со стремлением человека как субъекта власти установить жесткий социальный контроль за отклонениями от привычных стандартов взаимосвязи индивида и социальных институтов, задать регуляторы, уменьшающие неопределенность потенциальных последствий рискованных действий.

В исследовательском поле модели «институционального человека» также нет единой трактовки. В одних концепциях данный образ описывается с субъективистской позиции. Например, как полагает Д. Норт, институализация человеческого начала происходит в системе «разработанных людьми ограничений, структурирующих человеческие взаимодействия» [21]. В результате такие нормы обладают, по Д. Нарту, значительным динамизмом, создавая возможности активной адаптации «институционального человека» к социальной среде.

В других трактовках акцент делается на субъектно-объектные характеристики «институционального человека». В частности, Н. Элиас говорит о наличии у человека возможности выбора нормативной регуляции, несмотря на то, что этот выбор социально детерминирован: «Для позиции отдельного человека внутри своего сообщества характерно именно то, что вид и величина пространства выбора, которое открывается отдельному индивиду, зависят от структуры общества и положения общественных дел в том человеческом объединении, в котором он живет и действует» [22]. Но, несмотря на некоторые отличительные конструкты трактовки «институционального человека», его собирательному образу свойственна приоритетность ценности порядка, приверженность существующим социальным институтам и социальным нормам.

В предложенном описании раскрыты основные аксиологические образы человека в современном рискогенном социуме. Но можно предположить, что сегодня в обществе, несмотря на радикальные преобразования, происходящие в так называемую «эпоху пост», вероятно есть образы, которые были описаны в середине XX века. Это и образ «одномерного человека» Герберта Маркузе, в котором духовное подменяется потребительством [23]. Это и «бунтующий человек» Альбера Камю, который «<... >... протестует против посягательства на себя такого, каков он есть. Он борется за целостность своей личности. Он стремится поначалу не столько одержать верх, сколько заставить уважать себя» [25]. Это так называемый «человек одинокий, отчужденный от человека» Э. Фромма. Согласно философу, в современном обществе ответственность, долг, справедливость становятся инструментом воздействия государства на личностное бытие: «Ответственность является только этическим постулатом, и часто речь идет лишь о рационализации желания авторитетных инстанций иметь возможность наказывать человека» [26]. И, конечно, «незавершенный человек» К. Ясперса, как человек, открытых возможностей: «В любой жизненной ситуации человек выступает как своего рода экспериментатор, имеющий возможность отступить, отойти в сторону, отказаться от продолжения «эксперимента» [27]. Представленные образы человека в определенной степени могут рассматриваться как модификации основных аксиологических концептов.

Выводы

Аксиологические образы человека в современном рискогенном социуме, когда «риски нас настигают, когда нас наделяет ими само развитие цивилизации»[28], имеют разное смысловое содержание, но, идя по полосе глобализации, сопутствующей постиндустриальному развитию, человек все острее ощущает объективную потребность в ценностном выборе моделей поведения в «другом модерне» (У. Бек). И данный выбор напрямую зависит от того, какой собирательный образ человека будет социально значимым, какие личностные формы проявления социальной реальности и способов бытия будут общественно одобряемыми. А это связано с образовательной политикой государства, с политикой в области культуры и прежде всего средств массовой информации: будут править миром человека массмедиа магнаты, «новые интеллектуалы», обуславливающие утрату человечности, или социальные институты, помогающие человеку открыть смысл его жизни в рискогенном социуме и тем самым обеспечить возможность увидеть объективное состояние общества, в котором он живет.

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 229 с.
3. Рыбакова М.В. Социальные риски как показатель развития социального государства на Евразийском пространстве // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1-2. С. 186-188.
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57-67.
5. Кравченко С.А., Салыгин В.И. Риски в сложном социуме: динамика уязвимостей для человечества, стратегия гуманистического поворота // Россия в новой социально-политической реальности. Вып. 3: «Риски: стратегия, практика оптимизации и упреждения» / Ред. совет: Осипов Г. В. и др. М.: ИЦИ ИСПИ РАН, 2015. С. 66-80.
6. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.
7. Кравченко С.А. Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества / С.А. Кравченко // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков / Редкол.: Рогачев С. В. и др. М.: Проспект, 2013. С. 13-20.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с. // <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA>
9. Авдошин С.М., Песоцкая Е.Ю. Информатизация бизнеса. Управление рисками. М.: ДМК Пресс, 2011. 176 с.
10. Михайлов Ю.М. Ресурсы снятия рискогенных ситуаций: сетевой мониторинг // Вестник Тверского государственного университета (Вестник ТвГУ). Серия «Философия». 2013. Вып. 3. С. 36-45.
11. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3-35.
12. Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk // Journal of Risk Research. 1998. No 1 (1). P. 15-44.
13. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 148 p.
14. Козер Л.А. Реалистический и нереалистический конфликт // Психология конфликта: Хрестоматия / Сост. и общ.ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. С. 59-67.
15. Устьянцев В.Б. Антропология риска: концептуальные основания // Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: Наука, 2006. 289 с. <https://textarchive.ru/c-2567431-pall.html>
16. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Перевод В.В. Рынкевича / Под ред. И.В. Розовой. М.: Интербук, 1990. 301 с.
17. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.; Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. А. Федоровой. Москва - Жуковский: Кучково поле, 2006. 380 с.
18. Устьянцев В.Б. Антропология риска: концептуальные основания // Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: Наука, 2006. 289 с. <https://textarchive.ru/c-2567431-pall.html>
19. Иншаков О. В. «Человек институциональный» – субъект социально освященного действия // Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 9-87. С. 82. 854 с.

20. North D.C. Epilogue: economic performance through time // Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): Empirical studies in institutional change. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 342-355.
21. Элиас Н. Общество индивидов / Перевод с немец. А. Иванченко, А. Антоновского, А. Круглова / Общая редакция М. Хорькова. Сер. Образ общества. М.: Праксис, 2001. 336 с.
22. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
23. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
24. Фромм Э. Душа человека / Перевод с англ. Т. В. Панфилова, Т. И. Перепелова / Общ. ред., сост. и предисл. П. С. Гуревича. М.: Республика, 1992. 429 с.
25. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О. Акопяна. М.: Практика, 1997. 1056 с.
26. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Гуторович О.В., Лисоченко И.С.

Идея ноосферы в контексте современных реалий

*Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-243

idsp: ljjournal-06-2020-243

Аннотация

В статье рассматривается идея ноосферного развития человеческого общества. Перед авторами стоит задача проанализировать основные положения концепции В.И. Вернадского в контексте современных реалий. Важно показать, что, несмотря на утопичность данного проекта, многие его положения вызывают интерес и являются актуальными при решении глобальных проблем, стоящих в XXI веке перед человечеством.

Ключевые слова: ноосфера, биосфера, глобальные проблемы, экологические проблемы, техногенные катастрофы.

Abstract

The article deals with the idea of noospheric development of human society. The authors are faced with the task of analyzing the main provisions of V. I. Vernadsky's concept in the context of modern realities. It is important to show that, despite the utopian nature of this project, many of its provisions are of interest and are relevant in solving global problems facing humanity in the twenty-first century.

Keywords: noosphere, biosphere, global problems, environmental problems, man-made disasters

XXI век называют веком инноваций и информационных технологий, укрепившим веру в безграничные возможности человека. Так ли это? Не является ли данное утверждение заблуждением?

История человечества свидетельствует о том, как человек на протяжении длительного периода приспосабливался к окружающей среде, используя возможности своего разума. Творческие способности человека позволили превзойти ему все мыслимые ожидания, результатом стало изменение не только ландшафта природы, но и климата. Представление о всеобъемлющих и неисчерпаемых природных ресурсах породило потребительское отношение человека к окружающему нас миру. Мысля категориями сиюминутной выгоды, активность человека способствовала возникновению целого ряда глобальных проблем, включая техногенные катастрофы. В результате в XXI веке человек оказался перед дилеммой: обратиться к решению проблем, порожденных им самим, или пребывать в мире величия, являющегося следствием собственного заблуждения.